

ЭТНОФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПОСЛЕСВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В МОГИЛЕВСКИХ ГОВОРАХ

В восточнославянской традиции вся свадебная обрядность обычно делится на предсвадебный (подготовительный), собственно свадебный и послесвадебный (заключительный) этапы. Свадебный обряд могилевского региона в этом отношении не исключение.

Предметом нашего внимания является терминология послесвадебного этапа в могилевских говорах, в первую очередь, этнофразеологизмы. Мы будем рассматривать их с привлечением нелингвистического материала – мифологии, свадебной обрядности, поэзии, а также этнографических контекстов, выявленных нами в диалектологических экспедициях при работе с информантами. По мнению Н.И.Толстого, «проблема реконструкции фразеологизма, как и проблема реконструкции слова или грамматической формы, есть проблема определения времени и места его возникновения (его хронологии и локализации), а также степени его реконструируемости» (Толстой 1995:388).

Послесвадебный этап на Могилевщине представлен многочисленными обрядовыми действиями, которые названы как фразеологизмами (ФЕ), так и лексемами. Среди этих терминов наряду с общими для восточнославянского свадебного обряда наименованиями встречаются и локальные.

Всю терминологию послесвадебного этапа условно можно разделить на несколько групп: 1) названия финала свадебного торжества вообще, а также второго, третьего и последнего дня свадьбы; 2) названия обрядовых действий, связанных с манифестацией целомудрия невесты; 3) названия обрядовых действий – испытаний невесты; 4) названия обрядовых действий, направленных на то, чтобы сблизить семьи молодоженов.

1. Среди терминов первой группы можно назвать ФЕ *отошла свадьба, отошел (отходит) стол, бидоны на заборе* в значении “окончание свадебного торжества”. Первые два фразеологизма имеют широкое распространение в могилевских говорах, последний зафиксирован только в д. Радомль Чаусского района: *Вот и свадьба аташла. Хлопот хоть меньше стала.* (Мощаница, Бельничский р-н); *А як на свадьби стол атходит, дык патом усе дамой расходимся.* (Старый Дедин, Климовичский р-н).

Поскольку свадьба могла быть сыграна в 2-3 дня, а могла длиться и более недели в зависимости от достатка родителей жениха и невесты, нами зафиксированы термины, называющие дни свадебного торжества по порядку их следования. Так, третий день свадьбы в могилевских говорах называли *крошки, пакрошни*, последний день – *догулы (догулки), званки, отходины*. Название второго дня свадьбы в могилевских говорах зависело от того, где происходило застолье – в доме невесты или в доме жениха. В первом случае используется номинативный ряд, включающий как лексемы *отгашивание, гости*, так и ФЕ *отгостный обед, пойти в отгостки*. Во втором случае номинативный ряд состоит только из ФЕ *княжий стол, ехать в отго-*

лоски, пойти в придани: На други день усе пашли к нявести на **адгосный абет**. (Ямное, Быховский р-н); *Радныя жаниха накрыли княжы стол и прыгласили за яго гостей* (Звенчатка, Климовичский р-н). Часто второй день свадьбы называли по обрядовому действию, которое в этот день происходило: *горох молотить, приходиться (прийти) на блины*.

Сущность обрядового действия, названного фразеологизмом *горох молотить*, если обратиться к этнографическому контексту, заключалась в том, что «*гарох раскидывают на палу и рассыпают салому, а маладыя далжны сабрать яго у мяшок, «абмалатить»*. У мяшок з гарохам садять жанчыну, и малады даўжон выкупить яго и аднести куды прыкажуть гости. Малады нясець мяшок, а над им усе смяюцца» (Лобковичи, Кричевский р-н).

Символика этого обрядового действия связана с мифологическими представлениями о горохе как растении, стимулирующем деторождение (Коваль 1995:51).

2. Термины второй группы называли обычаи и обрядовые действия, связанные с установлением невинности невесты. Считалось, что «нечестная» невеста могла принести несчастье дому жениха и всему хозяйству.

Самыми распространенными фразеологизмами этой группы являются *красная водка, красная гарэлка*, мотивированные основным атрибутом обрядового действия: если девушка вышла замуж «честная», жених ехал к теще с красной сладкой водкой. Бутылку обвязывали красной лентой. На дугу лошади вешали *кушамирку* – красный платок. По свидетельству жителей д. Ржавец Чериковского района, «...*назаўтрыга ўжо ў пынадзелак яго госьці разам з жаніхом ідуць туды к маладой. Малады завець нас ужо ўсіх родственикаў к сабе ў хату. Ён ужэ прыносіць, ежэлі яна заслужыла там, гарельчку красненькую, лентачку завяжыць йшчэ на бутылачку. Ужэ штоб усе бачылі, што маладая харошая. Усё прыносіць, што паложана, – вот Вам, наця, глядзіця, якая Ваша дочка. А калі дзяўчына была порчана, без гарелкі запрашалі» (Сысоў 1997:319-320).*

Это обычай сохранился и сейчас: на современных свадьбах используют красное вино и красную ленту, которую привязывают к бутылке как символ девичества, причем реальная ситуация уже не имеет значения.

Факт целомудрия/нецеломудрия невесты доводился до сведения окружающих и через другую обрядовую символику, но специальных номинаций для этих действий нами не зафиксировано.

После установления невинности невесты начиналось всеобщее веселье. Гости танцевали, пели песни, в которых прославляли в первую очередь «честную» невесту:

А ў нашым двары каліначка расцвіла,
Каліначка расцвіла, наш дварочак асвятціла,
Наш дварочак асвятціла, наш радочак ашчасціла.
(Сысоў 1997: 319)

Свадьба приобретала почти карнавальный характер (Казакова 1995:50). Широко распространено было переодевание женщин в костюмы мужчин и наоборот. Гости могли переодеться в жениха и невесту, что в Кировском районе имеет локальное фразеологическое наименование *подделанные молодые*.

Ходить в цыгане, или просто *цыганы*, – так называли широко известный обычай послесвадебной обрядности. По словам информантов из д. Липовка Хотимского района, «...некоторые гости надяюцца ў цыганяў, вяселяцца, крадуть курэй, агонь раскладають и жарать на им».

На севере Могилевской области (Круглянский, Бельничский, Дрибинский районы) повсеместно, а на востоке (Климовичский, Чаусский, Хотимский районы) – локально распространено обрядовое действие, названное фразеологизмом *сучку гонять*. Этнографический контекст этого устойчивого словосочетания раскрыли наши информанты: «Свадьбу гуляли тры дни. Першы день у маладухи, други у жаниха, а трэці – **сучку ганяли**. Баба смелая пераденицца, надене кажух и иде к маладому хлопцу ти деўцы, каб следушчыя пайшли замуж» (Дорожковичи, Круглянский р-н).

3. Общего наименования всей совокупности обрядовых испытаний невесты второго (либо третьего) дня свадьбы на Могилевщине нет. Нами выявлены локальные названия – лексемы *спытки* (Климовичский р-н) и *испыты* (Могилевский и Хотимский районы).

Обыденные занятия хозяйки – подмести избу, испечь блины, сходить за водой – в контексте свадебного обряда приобретали сакральный смысл: *На други день далжна нявеста месть палы. Рассыпають мелач, рвуть бумагу, правярають, ти не сляпаю нявеста* (Лобковичи, Кричевский р-н). *Тады ж маладая идзе назаўтрага ў калодзиж ваду браць. А яе там зачурають и ни пускають, просяць гарэлку за яе. Свякруха заметя и нясе гарэлку. Во тады ўжо вады дадуть* (Поляниновичи, Быховский р-н).

Одно из известных обрядовых действий – печение блинов – отражено во ФЕ *приходить на блины*: *На други день усе прихадилі на блины* (Забельшин, Хотимский р-н). «Присутствующих угощали специально испорченным блином, при выпечке которого в тесто ... подмешивали угли, овес, мякину. Так, по обычаю д. Горы Горецкого района «невеста должна напечь блинов, пока все спят, сама за водой сходить. Но скорее кто-то – свекровь, золовка прикроют невесту» (Белорусско-русское пограничье 2005:296).

4. Послесвадебное общение породнившихся семей в традиционной народной культуре имело большое значение, потому закреплялось особыми обрядовыми действиями, носившими как известные названия – лексемы *перезовы*, *перезвы*, так и локальные названия: лексемы *отводины*, *званники*, *банкеты*, *перезов* и фразеологизмы *ходить на банкеты* (Кричевский р-н), *водить банкеты* (Славгородский р-н), *мышей гонять* (Горецкий р-н). В течение недели родственники жениха и невесты ходят в гости друг к другу: *А патом хадилі на банкеты. Уся дярэўня няделю гуляла* (Лобковичи, Кричевский р-н). В Славгородском районе информанты так характеризуют этот обычай: «Ета бывало, во, свадьбу згулялі. Родственнікі просяць: «Ну, а во ўжо заўтрі ка мне». Так во йдуць гуляць к тому, а ў другая скрысенне ці цераз сколькі там дней – к трэцяму. Ета родственнікі **вадзілі банкеты**» (Сысоў 1997:332). Этот обычай отражает стремление породнившихся семей к более тесному знакомству, цель которого узнать, на кого можно рассчитывать в трудную минуту, какую помощь можно ожидать. Во время этих обрядовых действий пели песни, в которых прославляли род, удачное родство и молодую семью:

Ой, бѣз зайка,
Чараз галінку куляўсь.
Ехаў Васячка
Ат свайго цесьця, хваліўсь:
– Ой, Бог мне даў
Такога цесьця, як татка.
Ой, Бог мне даў
Такую цешчу, як мамка.
Ой, Бог мне даў
Такую жану, як я й сам.
(Сысоў 1997:332)

Таким образом, послесвадебный этап на Могилевщине наполнен семантически насыщенными обрядовыми действиями. Специфика обрядов региональной свадьбы раскрывается благодаря этнофразеологизмам – локальным и имеющим повсеместное распространение на обследуемой территории. Привлечение нелингвистического материала позволяет реконструировать семантику этих терминов свадебной обрядности.

1. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование: Монография. /Отв. ред. Р.А.Григорьева, М.Ю. Мартынова. – М.:Изд-во РУДН, 2005. – 378 с.

2. Казакова, I. В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў/ I.В.Казакова. – Мінск: «Універсітэцкае», 1995. – 151 с.

3. Коваль, У. I. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы: Даведнік па ўсходне-славянскай міфалогіі/ У. I/ Коваль. – Гомель: Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай дзелавой інфармацыі, 1995. –180 с.

4. Сысоў, У.М. З крыніц спрадвечных/ У.М.Сысоў. – Мінск: Вышэйшая школа, 1997. –415 с.

5. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике/ Н.И.Толстой. Изд. 2-е, испр. – М.: Издательство «Индрик», 1995. – 512 с.